

Илья Виноцкий

Заумный Гаспаров:

ИНДЕЙСКИЕ ИМЕНА В «ЗАПИСЯХ И ВЫПИСКАХ»

Ilya Vinitsky

Supraconscious Gasparov: Native American Names in *Notes and Excerpts*

Илья Виноцкий (Принстонский университет; профессор кафедры славянских языков и литератур; доктор филологических наук) vinitsky@princeton.edu.

Ilya Vinitsky (Doctor of Philology; Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Princeton University) vinitsky@princeton.edu.

Ключевые слова: филологическая автобиография, заумный язык, А.Е. Крученых, А.С. Пушкин, пушкинисты, «индейская тема» в русской литературе, теория кварка

Key words: philological autobiography, Zaum (Supraconscious language), Alexei Kruchenykh, Alexander Pushkin, Pushkinists, the Native American theme in Russian literature, quark theory

УДК: 82.0

UDC: 82.0

Статья посвящена проблеме заумного языка в филологической автобиографии М.Л. Гаспарова «Записи и выписки» (1995—2000). В центре нашего внимания находится иллюстрирующая эту проблему в книге «индейская тема». В статье утверждается, что заумь для Гаспарова представляет собой не просто научную проблему, но является ключевой экзистенциальной загадкой: лингво-эстетическая проблема вписывается исследователем в общий, теоретико-физический план мироздания (популярная в интеллектуальном кругу Гаспарова теория кварка), мировой литературы (Джойс) и связывающей физику и литературу филологии как науки понимания.

This article is concerned with the issue of transrational language in Mikhail Gasparov's philological autobiography *Notes and Excerpts* (1995—2000). At the center of our attention is the "Indian (Native American) theme" in this book, which illustrates this issue. The article argues that for Gasparov, Zaum (Supraconscious) is not simply a scholarly problem, but a key existential riddle. This linguistic and aesthetic problem fits into a broader theoretical and physical conception of the universe (quark theory, popular in Gasparov's intellectual circle), world literature (Joyce), and a philology that connects physics and literature as sciences of understanding.

...рациональные основания всегда лучше, чем иррациональные. Рациональные основания означают возможность дать себе отчет, и в этом их этика — невозможно отвечать за то, что нельзя объяснить.

*Инна Булкина. Чтоб эпиграфы разбирать*¹.

Названия многих классических произведений мировой литературы образуют в своей совокупности «универсальную» модель «А + Б = Жизнь», включающую в себя два существительных (или субстантивированных прилагательных), соединенных союзом «и»: “Ερως και Ημερα”, “Kabale und Liebe”, “Pride and Prejudice”, “Le Rouge et le Noir”, «Отцы и дети», «Былое и думы», «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Волки и овцы», «Война и мир»

1 См.: [Булкина 2000].

(список можно продолжить). Двадцать лет назад этот ряд пополнился неожиданным, несколько смешным, несколько косноязычным и даже несколько неблагозвучным титулом «Записи и выписки». Скромное, в прямом смысле слова маргинальное, название этой книги М.Л. Гаспарова, как будто пришедшее на светский раут или философский диспут из архивно-библиографических подвалов памяти (часть этого текста, начинавшегося с интонационной аллюзии на «Записки из подполья» — «У меня плохая память» [Гаспаров 1995: 421; 2000: 5], — была написана в находившемся в подвале кабинете принстонского профессора, где Гаспаров работал по вечерам во время своей исследовательской командировки в США в 1994—1995 годах, а первые фрагменты книги вышли в разделе «Приложение» в журнале «Новое литературное обозрение», после раздела писем в редакцию), явно диссонирует с приведенными выше сущностно-лапидарными заглавиями, но, как мы полагаем, принадлежит к их ряду на законных основаниях². (Для авторефлексии Гаспарова показательным, что в самом тексте книги он приводит целых *четыре* выписки, иллюстрирующих слово «заглавие»)³.

Позволю себе проиллюстрировать свое предположение о программно-маргинальном, травестирующем названии-жесте гаспаровской книги аллегорическим примером из воспоминаний одного моего задумчивого приятеля. В раннем детстве он в первый раз увидел по телевизору военный парад. Ночью ему приснился сон: долго идут по главной площади тягачи с ракетами, танки, броневики, пехотинцы с «ружьями» и в форме цвета хаки, а в самом конце процессии появляется он с индейским пером на голове, скача на подаренной игрушечной лошадке. Мне кажется, что «Записи и выписки» Гаспарова так же относятся к ряду серьезных, канонических книг о формах и смысле человеческой жизни, как мальчик с лошадкой к военному параду на площади. Это название «марширует» (или, если можно так сказать, «подмаршевывает») за установившейся традицией (парад), но уже самим своим несуразным видом остраивает и устраняет универсальность «большой» темы «А + Б», перенося центр тяжести на несерьезность и растерянность детской человечности, нашедшей свое отражение в полусмешных и полупечальных маргиналиях — приватном и, по определению, неполном автословаре филолога-интеллектуала⁴.

- 2 О творческой истории и жанровой генеалогии «Записок и выписок» см. письма Гаспарова к немецкой славистке Марии-Луизе Ботт: «Это не жанр афоризмов, на него я не способен. Это, действительно, “записи и выписки” того, что казалось почему-нибудь интересным. Я думаю, что из них должно складываться какое-то представление обо мне, — хоть и малопривлекательное» [Ботт 2006].
- 3 Обычно эта книга рассматривается в контексте «мозаичной» философски-биографической и филологической (часто экспериментальной) прозы (И.П. Эккерман, Василий Розанов, Борис Эйхенбаум, Виктор Шкловский, Лидия Гинзбург, Михаил Бездный и так далее). См.: [Зорин 2000; Архангельский; Булкина 2000; Немзер]; блок статей о «Записях и выписках» Олега Проскурина, Ольги Седаковой, Юрия Левинга, Манфреда Шруба, Кирилла Кобрин, Александра Дмитриева, Ильи Кукулина, Марии Майофис и Алексея Левинсона (Новое литературное обозрение. 2005. № 73); а также: [Живов 2006; Жолковский 2006; Тименчик 2017].
- 4 Показательно, что самыми частыми в четырех словариках Гаспарова «от А до Я» являются следующие заглавные слова: абсолютный лидер — «Перевод» (27 раз), затем «Любовь» (26), «Жизнь» (22), «Смерть» (15) и «Диалог» (14). Вслед за ними следуют «Я» (13), «Язык» (12) и «Дети» (11). С тематической точки зрения наиболее частой является тема «жизни и смерти»: к 37 отмеченным выше словарным статьям добавляется еще «Бытие» (5 раз).

Об одном «детском» сюжете этой иронико-экзистенциальной, как не раз отмечалось критиками, книги и пойдет речь в предлагаемой статье.

«Так Крученых...»

В главке «Античность», помещенной в шестом разделе «Записей и выписок» и открывающейся взятым из анкеты эпитафией: «Выполняла ли ваша углубленность в античность роль заслона от маразма советской (и, наверное, не только советской) действительности?» — М.Л. Гаспаров вспоминает о своей детской любви к странно звучащим словам:

Дети любят заумные слова, а потом взрослые их от этого отучивают. Мне удалось сохранить эту любовь почти до старости. До сих пор помню юмористический рассказ про индейца, которого звали Угобичибугочибибаупаукиписвискививичинбул, что будто бы значило «маленькая ящерица, сидящая на сухом дереве, с хвостом, свешивающимся до земли». (Так Крученых приводил на пушкинскую заумь примеры из «Джона Теннера».) Я полюбил историю и географию, потому что в них было много заумных имен и названий [Гаспаров 2012: 291]⁵.

Как удачно заметил А.Л. Зорин, «собственная жизнь» в книге Гаспарова «становится предметом филологического анализа»: «...жизнь — через выписки, через записи, через языковые конструкции — становится книгой <...> автор деконструирует себя как продукт своего собственного круга чтения и научных занятий» [Зорин 2019]. Привлекшая наше внимание короткая заметка скрывает в себе сразу несколько биолитературоведческих отсылок, важных для понимания филологической личности самого автора, «пульсирующей» в его умной и грустной книге, дающей «в компактной форме представление об иерархиях и конфликтах интересов, о фобиях и пристрастиях, о границах знания и понимания литературы, сложившихся к концу прошлого века не только у одного автора, а у некоторого направления российского литературоведения» [Тименчик 2017: 564].

В свое время нам удалось конкретизировать и развить мимолетную отсылку Гаспарова к А.Е. Крученых и А.С. Пушкину в приведенной выше записи о заумных словах [Виноцкий 2009]. Гаспаров, скорее всего, имел в виду лихое стихотворение «Военный вызов зау» (1918 или 1919 год; опубликовано в 1922 году в книге «Голодняк»⁶), созданное Крученых из индейских имен и слов, упоминающихся в поздней статье А.С. Пушкина «Джон Теннер» («Современник». Ч. 3. 1836), представляющей собой пространственный обзор книги воспоминаний белого американца, похищенного в детстве индейцами из племени оттавауавов (родственных оджибвеям или оджибуэям) и проведенного среди них тридцать лет. У Крученых:

5 Здесь и далее текст книги Гаспарова, за исключением особо оговоренных случаев, цитируется нами по [Гаспаров 2012]. Все выделения курсивом принадлежат нам.

6 Книга вышла в Москве в начале 1922 года тиражом в 1000 экземпляров и вызвала резко негативную реакцию властей и литературных критиков из разных лагерей. Уже 10 марта 1922 года политотдел Госиздата направил в торговый отдел распоряжение не приобретать эту книгу (ГАРФ. Р-395. 1. 290). См.: [Литературная жизнь 2005: 345].

Уу — а — ме — гон — э — бью!
 Ом — чу — гвут — он
 За — бью!..
 Гва — гва... уге — пругу... па — у...
 — Та — бу — э — шиш!!!
 Бэг — уун — а — ыз
 Миз — ку — а — бун — о — куз.
 СА — ССАКУУИ!!! ЗАРЬЯ!!! КАЧРЮК!..

[Крученых 2001: 134]

У Пушкина *Уа-ме-гон-е-бью* — приемный брат «белого индейца» Теннера (чьей тотемное прозвище было «Сокол»⁷); *Ом-чу-гвут-он* — враг героя-рассказчика, покушавшийся на его жизнь; *Та-бу-шиш* — старик-индеец, упоминаемый Теннером; *Бег-уа-из* — один из старых начальников; *Мис-куа-бун-о-куа* — первая жена Теннера, имя которой переводится как «Заря» (отсюда, вероятно, «Зарья» в финале стихотворения Крученых). Наконец, из пушкинской статьи Крученых заимствовал и экспрессивное *сассакуи* — это не что иное, как упоминаемый Теннером «*бранный* крик в знак радости и вызова» [Пушкин 1949: 128]⁸. Крученых футуристически обработал (деформировал) имена теннеровских соплеменников и создал из этих имен свою страстную и веселую фонетическую буффонаду, в центре которой находится переведенный Пушкиным из книги Теннера брутальный сюжет об откушенных в индейской потасовке носгах (пьяный Та-бу-шиш откусил нос Уа-ме-гон-е-бью, который, в свою очередь, в бешенстве откусил нос у доброго и смиренного пожилого вождя Бег-уа-иза, случайно и к запоздалому ужасу молодого индейца — «Дядя! это ты!» [Там же: 145]⁹ — оказавшегося рядом). Само слово *зау* у Крученых — это, по всей видимости, контаминация заумников (зауми) и названия индейцев *сиу* (исторически — противников одживбеев). В итоге этого необычного звукового эксперимента экзотические имена и воинственный клич индейцев, заимствованные у Пушкина, «размораживаются» Крученых, подобно словам древней битвы в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле.

Статья Пушкина «Джон Теннер», как показали исследователи¹⁰, представляла собой острую сатиру на американскую демократию, западную цивилизацию и — одновременно — на руссоистскую идеализацию дикаря. В нашей работе мы высказали предположение, что эту длиннейшую рецензию-пересказ, написанную вместо запрещенной цензурой программной статьи о Радищеве, Пушкин разбавил целым рядом фонетических шуток, связанных с экзотическими именами индейцев. Имя Уа-ме-гон-е-бью (а не «э-бью», как у Крученых)

7 В оригинале — Shaw-shaw-wa-ne-ba-se (Шоу-шо-уа-не-ба-се).

8 К своей книге Теннер приложил сравнительный словарь слов и выражений североамериканских индейцев (каталог наименований растений, животных, минералов и т. п.). Он также транслитерировал две ритуальные индейские песни — незамеченный образец «зауми» в литературе XIX века. Во французском издании воспоминаний Теннера, которым пользовался Пушкин, оджибуэйские слова и тексты, записанные латинскими буквами, были значительно сокращены.

9 В оригинале и французском переводе Уа-ме-гон-а-бью обращается не к дяде, а к кузену (родственнику).

10 О пушкинском «Джоне Теннере» см.: [Shaw 1966; Алексеев 1969; Николокин 1984; Альтшуллер 2003; Долинин 2007].

Ил. 1. Джон Теннер. Рис. П. Митурича.
Источник: Калаушин М.М. Пушкин
в портретах и иллюстрациях:
пособие для учителя средней школы.
Ленинград: Учпедгиз, 1956.

не только влечет за собой у Пушкина глагол «бью»¹¹ (это эхо Крученых услышал), но и прячет в себе нечто неприличное (о сознательном приеме говорит то, что во французском переводе, которым пользовался Пушкин, это имя писалось как *Wa-me-gon-a-biew*¹²). К этому же фривольному ряду, очевидно, относится и имя приемной матери Теннера «Нет-но-куа» (*Net-no-kwa* во французском переводе). Последняя жалуется Великому Духу на то, что ее семье нечего есть. Тот является к ней в образе человеческого и говорит: «*Нет-но-куа!* Завтра будет вам медведь для обеда». Это «куа» дважды повторяется в имени девицы Мис-куа-бун-о-куа, соблазвившей Теннера¹³. Имя индейца *Kishkau-ko* Пушкин весело переделывает в *Кишкау-ко* (совсем в духе крученыховского «анализма»). К тому же роду неприличной словесной игры относится появляющийся в статье «пья-

ный старик, по имени Та-бу-шиш» (в оригинале и французском переводе — *Ta-bush-shish*; у Крученых — Та-бу-э-шиш, с акцентом на важном для этого поэта звукообразе «шиш»¹⁴). В этом окружении крайне двусмысленно звучит и военный клич «сассакуи», издаваемый раненым Теннером (во французском тексте, которым пользовался Пушкин, — «*sas-sah-kwi*»)¹⁵.

Заумное стихотворение Крученых, как мы показали в нашей работе, не только выражало в манифестарной форме фонетический фанатизм поэта, его теорию звукового жеста [Циглер 1982] и свойственный футуристам (на самом деле унаследованный ими от символистов) культ «дикарей», но и задорно атаковало советских борцов с антипролетарской или психически ущербной заумью («доберман-фричей», по выражению Бориса Несмелова¹⁶) и «академи-

11 «Брат мой Уа-ме-гон-е-бью вошел в шалаш, где молодой человек бил одну старуху» [Пушкин 1949: 145].

12 В помещенном в январском номере газеты «Бабочка» за 1831 год переводе фрагментов из «Записок Теннера» это имя приводится в написании «Уамигонаибю» (*Ouamigonaibiou*).

13 Обыгрывается в той же фривольной тональности и «поэтическое значение» ее имени Заря. Теннер проводит ночь с красавицей. «*На заре* старуха разбудила меня, ударив прутом по голым ногам. «Вставай, — сказала она, — вставай, молодой жених, ступай на охоту»» [Пушкин 1949: 124].

14 Вспомним заключающую «Взорваль» Крученых (1913) иллюстрацию «ШИШ» древнееврейскими буквами.

15 Ср. крученыховскую критику посвященного А. Ахматовой стиха С. Рафаловича «Сплета хулу с осанною»: ««сосанною» — имя или название от сосать» [Крученых 1922: 5].

16 «Встреча с Пушкиным», — заявлял в предисловии к «Четырем фонетическим романам» Крученых «фуист» Борис Несмелов, — произойдет не у монумента на Страстной,

ков»-пушкинистов, с которыми Алексей Елисеевич вел в то время войну, — прежде всего С.М. Боброва и В.Я. Брюсова. Оба «востроголовых пушкиньянца»¹⁷ попались на «пушкинский вопросительный крючок» [Крученых 1922: 46], не распознав источник стихотворения, в котором было, перифразируя слова поэта-заумника, сказанные по поводу знаменитого «Дыр-бул-щыл», больше Пушкина, чем во всем пушкиньянстве.

Бобров опубликовал статью, содержащую гневный отклик на бессмысленное «звуковарево» «Военного вызова». Брюсов высмеял это стихотворение как очередной бессмысленный звукопоток Крученых в статье о современной поэзии, вышедшей в «Печати и революции» в начале 1923 года. Бобров не любил Крученых, считая его «законченным образцом бездарности» (это свое мнение о заумнике он перенес и в статью о «звуковой поэзии», включенную в «Словарь литературных терминов» 1925 года: «Крученых избрал своей специальностью звуко-мускульную передачу чрезвычайно болезненных и неестественных переживаний, которые и составляют основу его “поэзии”») [Словарь 1925: 268]. Брюсов, в свою очередь, был обижен на Крученых за то, что тот постоянно издевался над его «доходящей до анекдота» фонетической глухотой, проявления которой поэт-заумник находил в комически звучащих стихах (сдвигах) символиста (например, в непредумышленных сочетаниях со «сра»: «С раной серповидной», «Меня ведь знал ты с ранних лет!»; сюда же относится и, видимо, услышанное Маяковским от Крученых брюсовское «Мы ветераны, мучат нас раны»). Наконец, особенно болезненными для Брюсова были насмешки Крученых над его академическим изданием сочинений Пушкина.

Стихотворение «Военный вызов зау» было очередным (и на редкость точным) крученыховским выстрелом из Пушкина в Брюсова. Соблазнительно предположить, что последний спустя какое-то время намек понял и ответил на поэтический выпад не менее боевым, но написанным в совершенно иной стилистике, «индейским» стихотворением. Речь идет о датируемой апрелем 1923 года «Песне североамериканских индейцев», герой которой призывает духа Маниту (высшее духовное божество у индейцев-алгонкинов), несколько раз упоминавшегося в книге Теннера и «включенного» в имя одного из героев пушкинской рецензии (Манито-о-гезик):

<...> В лесах, в равнинах, я слышу,
Свист, пенье, рычанье, зов.
По долинам я слышу
Вой волков.

а в уже близком признании массами нашего заумника — признании через головы хрипло лающих доберман-фричей» [Несмелов 1927: 4]. «Доберман-фричи» (от доберман-пинчеры) в этой цитате представляют собой «дежурный» выпад «левых» художников против профессора В.М. Фриче, еще до Первой мировой войны обрушившегося на заумь Крученых. После революции Фриче (вместе с другими критиками из разных литературно-политических лагерей) продолжил войну с футуристической заумью как психически ущербным и антипролетарским искусством. В полемику с Фриче вступили О. Брик и К. Малевич.

17 «<Э>то стихотворение еще раз докажет востроголовым пушкиньянцам, что они окончательно не могут отличить Крученых от Пушкина» [Терентьев 1988: 478]. Эпитет «востроголовый», по всей видимости, используется здесь как отсылка к нечистой силе (леший и черти зовутся в русском фольклоре востроголовыми).

В битвах стучат — дело смелых! —
Томагавки, копья, щиты.
В битве смелых
Любишь ты.

Маниту! Маниту! Маниту!
Я храбр, но кругом враги.
Маниту! Маниту!
Помоги!¹⁸

[Брюсов 1975: 379].

Бессмысленному дикому свисту, пенью, рычанию и зову врагов Брюсов противопоставляет отвагу и веру символиста¹⁹.

Этот раскопанный нами в 2008 году историко-литературный сюжет М.Л. Гаспаров, судя по всему, знал давно (и Брюсов, и, особенно, Бобров являются героями его «Записей и выписок»); в полемике этих авторов с заумником Михаил Леонович, видимо, был на их стороне: «малоуважаемого Крученых» он считал чересчур радикальным автором — «романтиком крайней левой позиции» [Гаспаров 1991: 92]), но по какой-то причине не счел нужным развить в своей заметке о зауми: «Лови, комментатор! Sapienti sat!»

«...что будто бы значило»

Второй в заинтересовавшей нас заметке о зауми (а точнее, первый по счету) филолого-ономастический намек содержится в отсылке Гаспарова к юмористическому рассказу об одном индейце с очень длинным именем. Это фонетически богатое имя (настоящий фонтан фонем) *Угобичибугочибипаупаукиписвискививичинбул* включает в себя значительно больше букв (41) и слогов (20), нежели знаменитое «supercalifragilisticexpialidocious» из «Мэри Поппинс», и, судя по установке, провозглашенной автором, приводится им по памяти, в которой «осело» с детства.

Это заумное звукоизвержение, как подчеркивает Гаспаров, в индейском культурно-языковом контексте будто бы было вполне осмысленным. Его значение он также приводит по памяти. И тут, нужно сказать, свидетельство Гаспарова абсолютно точно. Имя Угобичибугочибипаупаукиписвискививичинбул он действительно нашел в юмористическом рассказе, прочитанном им в детстве в подшивке одного старого журнала. Речь идет об опубликованном в одиннадцатом номере «Всемирного следопыта» за 1928 год рассказе под названием «Последний из Плосконогих. Юмористический рассказ Ричарда Коннель».

18 В этом стихотворении комментаторы видят продолжение дореволюционных «Песен первобытных племен» Брюсова.

19 Следует заметить, что сам Брюсов (задолго до Крученых) использовал экзотические имена индейцев (только не северо-, а центральноамериканских) в своем творчестве, в частности в символистской фантастической драме «Земля. Сцены будущих времён» (1904). Любопытно, что в детстве Брюсов был настолько увлечен индейцами, что даже решил написать «грамматику индейского языка», «хотя не имел для того совсем никаких данных (источниками для него были романы Густава Эмара, Майн Рида, Жюль Верна и Купера) [Брюсов 1927: 25].

Справедливости ради, нужно сказать, что Толкачев едва ли мог в точности перевести языковую игру Коннелла, не только обыгравшего в заглавии рассказа традиционный куперовский мотив «последнего из могижан», но и придумавшего племя «плосконогих» как пародийную контаминацию Черноногих индейцев (Blackfeet или Blackfoot Indians, упоминающихся в «Песни о Гайавате») и «the Flathead Native Indians» (плоскоголовые индейцы) — название, данное белыми американцами индейским племенам, практиковавшим искусственное сжатие черепов в грудном возрасте.

Не вполне доверяя предложенному Коннеллом в рассказе переводу длинного имени Уга (в оригинале 54 буквы), я решил проверить в действии быстро прогрессирующий в наши дни Google Translator, немного поиграв с разбивкой имени последнего плосконового на слоги. В результате были получены следующие результаты: язык — сомалийский; перевод: «The eagle thought, then kept the whiskey and then peeled away». Хотя в сборнике рассказов Коннелла действительно присутствует абиссинская тема, я на всякий случай решил проверить перевод Google у известного автора кандидатской диссертации «Синтаксис независимого утвердительного предложения в языке сомали», который усомнился в сомалийском происхождении имени индейца и запросил своего ученика, переводчика Г.Л. Капчица. Повторив наш опыт, Капчиц обратил внимание на то, что Google, хотя и дает следующий перевод с языка сомали: «Орел подумал, потом держал виски и уносил», — но указывает в примечании: «Язык оригинала: гуджарати». Между тем, по мнению эксперта, лишь первое в переводимом тексте «слово» “ugobeeche” отдаленно напоминает сомалийское: “ugub” = «“невинная девушка; взрослая, но еще не рожавшая женщина”, но она вроде тут ни при чем». Не распознав это предложение как «сомалийское», эксперт на всякий случай «отослал его толковому информанту», настоящему сомалийцу. Ответ последнего был крайне интересен, но малоутешителен: «Waxaan helay inay tahay af la yiraa Marathi oo ka mid ah afafka Hindiya looga hadlo. Iska tuur» («Я нашел, что это маратхи, один из языков, на которых говорят в Индии. Выбрось вон!»). Я, как и многие истолкователи заумных текстов до меня, почувствовал себя в незавидном положении известного литературного персонажа, искавшего сокровище по ложному следу и пришедшего в итоге к потере ума: «Орел покосился на отца Федора, закричал “ку-ку-ре-ку” и улетел».

Выйти из истолковательского тупика мне удалось с помощью своего рода визуальной медитации над этим индейским именем в английской транскрипции. Прежде всего в нем более или менее отчетливо просвечивает целый ряд коротких и иногда смешных английских слов: you, go, bee, bug, keep, beech (бук), chin, whisky, wee wee (что означает «пись-пись» на детском языке), опять пчела (bee). Но самое интересное и удивительное, что это длинное имя явно содержит в себе анаграмму города Roughkeepsie (сочетание букв “rawkeepis”) на берегу Гудзона в штате Нью-Йорк — месте, где родился, учился и начинал свою журналистскую и политическую карьеру Ричард Коннелл. Иначе говоря, перед нами, как сказали бы современные политически ангажированные критики, типичный случай апроприации и пародирования белым автором индейской темы (возможно, акцента). Не входя в политические тонкости, замечу, что для того, чтобы правильно истолковать это длинное индейское имя в оригинале, переводчику или интерпретатору надо уподобиться кэрролловскому Шалтаю-Болтаю и окунуться в «фонетизированную» стихию американско-английского языка в округе Покипси и биографию самого автора (что мы делать не собираемся да и едва ли сумеем). Или — что

в итоге получилось у Толкачева — предложить собственную игровую аналогию, в которой проскальзывают и лопаются, как пузыри земли, бессмысленные в своем сочетании короткие русские или квазирусские слова «у», «гоби» (пустыня), «бич», «обичи», «пауки», «виски» или «свиски» (не отсюда ли, кстати, произвольная (?) замена у Гаспарова слова «волочащимся» в «дефиниции» Толкачева на «свешивающимся»/«свисающим» [хвостом]?), «киви», «чин», венчаемые отсутствующим в оригинале крученообразным «бул»...

Вернемся к рассказу, привлечшему к себе внимание Гаспарова-ребенка. Злоключения индейца Уга, у которого белый фермер украл свинью по кличке Генерал Грант, изображаются переводчиком (и иллюстратором) как цепочка столкновений с белыми дураками, ханжами, грабителями, коррупционерами и бюрократами. В финале Уг берет судьбу в свои руки, сбрасывает с себя европейское платье, исполняет боевую песнь на языке плосконогих, в традиционном индейском облачении является к обидчику и, угрожая скальпированием, забирает у него своего хрюкающего Генерала Гранта. Но сюжет рассказа со всеми его социально-идеологическими перипетиями и мотивами никак не отразился в воспоминаниях Гаспарова. От всей истории остались лишь заумное имя ее протагониста и перевод этого имени на русский язык.

Здесь интересно (и, как мы полагаем, значимо) то, о чем *не* вспоминает автор «записи», — например, о том, что это супердлинное имя само является предметом забавной культурно-семантической игры (учитель назвал его вначале Джорджем Вашингтоном Угом, потом, увидев его нецивилизованность, переименовал в Уолтера Москрата, то есть Крысу, но тот откликнулся только на Джорджа Вашингтона; в рассказе он чаще всего зовется просто Уг). Не упоминает Гаспаров в своей записи и блестящую военную песню Уга (танец змеи), целиком состоящую из заумных (для непросвещенного слушателя) слов:

Куопикис, куопикис,
Боббочи чибобо,
Туванда, бонда, бонда, бонда,
Бопокум кобокум...

[Коннель 1928: 859].

Эти детали, как я полагаю, отбрасываются Гаспаровым как «строительные леса», сыгравшие уже свою роль в создании филолого-мемуарного текста на тему значимой зауми.

Здесь уместно вспомнить показательное рассуждение в книге Гаспарова об одной детской игре и ее научном отголоске:

...из букв длинного слова составлять короткие слова, кто больше составит (М.Ю. Лотман сказал, что у них в школе такая игра называлась «словяга»). <...> мне не казалось странным, что из любого четверостишия можно вычитать какую угодно анаграмму. Однако думалось, что не зря же этим увлеклись большие ученые; хотелось проверить. В.С. Баевский написал мне, что готовит для блоковской конференции доклад об анаграммах у Вл. Соловьева. Я спросил: «По каким стихотворениям? Хочу попробовать сам, а потом свериться». Он назвал. Я взялся за первое (не помню какое), стал высчитывать особо частотные буквы, и из них безоговорочно сложилось слово «масло». Тут я понял, что хоть анаграмма, может быть, и великое дело, но мне оно противопоказано. <...> Это была та самая кон-

ференция, где Тименчик сказал: «...если наша жизнь не текст, то что же она такое?» [Гаспаров 2012: 10].

В упоминаемой Гаспаровым статье Баевского, написанной в соавторстве с А.Д. Кошелевым, из текстов Вл. Соловьева вычитывалась анаграмма «любовь». Если немного попроказничать, то при желании и в духе самого Гаспарова из имени *Угобичубугочибипаунаукиписвискививичинбул* вполне можно собрать почти полную анаграмму отчества и фамилии автора «Записей и выписок» «Лионивич Гаспаоов» (замена «р» на «о» чисто произносительного свойства) или, скажем, почти полное название «аписки и виписки». Но мы этого делать, конечно, не будем.

Ил. 3. Пляска Уго. Иллюстрация из рассказа Ричарда Коннеля «Последний из плосконогих» // *Всемирный следопыт*. 1928. № 11.

гораздо адекватнее задаться вопросом, как Гаспарову удалось запомнить такое длинное заумное имя. На самом деле это сделать не так уж и сложно, если его соответствующим образом интонировать (метризировать). Можно, например, так (3-ст. анапест): «Угобичи бугочи бипау // Паукипи свиски вивичинбул» (ср.: «Трепетали и таяли звуки // И в безбрежную даль убежали» [Вл. Соловьев]). Но, скорее всего так (4-ст. хорей с женскими клаузулами): «Уго бичи, буго чибн // пау пау, кипи свиски, // виви чинбул...», — то есть путем «вписывания» имени в стих русской «Гайаваты» («Делавэры и Могоки, // Черноногие и Поны, // Оджибвеи и Дакоты»), нашедший отражение в самой знаменитой русской зауми («Бобозоби...» Хлебникова), а еще точнее — в выделенный Гаспаровым в русской словесности «целый жанр», в котором сочетаются «заумь, хорей с макросами, звуковая легкость с повторами, обрывистая восклицательность» — детская считалка («Айни дэву, рики факи, / Торба, ёрба, он дэсмаки, / Дэус, дэус, касматэус, Бакс») [Гаспаров 1997: 207]²¹. Возможно, что мнемоническим ключом к этому имени послужил упомянутый выше зачин «песни» Уго в переводе Толкачева: «куопикис, куопикис». В любом случае в приведенном Гаспаровым примере очень важна, как мы полагаем, «глубинная» связь зауми с памятью и детскими языковыми ассоциациями.

21 Заметим также, что все эти гипотетические короткие «слова», выделенные из имени индейца, имеют женские окончания, как и фонетическая эскапада И.С. Тургенева, которой посвящена знаменитая статья Р.О. Якобсона «Заумный Тургенев» [Якобсон 1987].

«Дети любят заумные слова»

Действительно, в анализируемой нами записи главное — связь ранних воспоминаний Гаспарова-читателя (одна из важнейших тем книги, эпиграфом к которой являются слова Мандельштама о том, что биографией разночинца-интеллигента являются прочитанные им книги) с его филологическими наблюдениями и открытиями, сделанными «для себя»: мимолетная ссылка на отголоски «Джона Теннера» у Крученых; подразумеваемая — и, как мы думаем, точная с историко-культурной точки зрения, — связь между пушкинской антиамериканской «индейской» рецензией и образом индейца в сатирическом рассказе Коннела, опубликованном в СССР в 1928 году²²; наконец, еще более интересная и значимая сжатая реконструкция «истории зауми» в русской литературе.

В самом деле, привлекая внимание Гаспарова «заумь» Толкачева была явно связана с авангардистской традицией, ставшей в конце 1920-х годов объектом острой политической критики (разгромная рецензия в «Смене» на «чинарей» в 1927 году, погромный фельетон Л. Лесной «Йтуеребо» о выступлении обэриутов в январе 1928 года) и «вытесненной» в детскую литературу и приключенческие романы-травелоги. Примечательно, что в том же, 1928 году Д.И. Хармс печатает в журнале «Еж» «Рассказ о том, как Панкин Колька ездил в Бразилию, а Ершов Петька ничему не верил», в котором, как показал А.А. Кобринский, некоторые «заумные» слова из диалога Кольки с «индейцами» оказываются творческой имитацией или даже прямым использованием финских выражений (обиженные «бразильцы» из Ингерманландии отвечают мальчику крепким финским ругательством) [Кобринский 2009: 163—165]. Исследователь также указал на связь «индейского языка» Кольки с оставшимся неопубликованным детским рассказом Хармса «Перо Золотого Орла» о «войне» между «индейцами» и «бледнолицыми» из двух параллельных классов. По мнению Кобринского, часть составленного героем этого рассказа словарика индейского языка заимствована из краткого лексикона к «Песни о Гайавате» Ивана Бунина, а «остальные слова Колька явно выдумал, стилизовав их под “индейские”».

Не углубляясь в эту тему, заметим, что тут нет никакой стилизации, потому что почти все оставшиеся не идентифицированными исследователем слова из хармсовских рассказов об индейцах обнаруживаются в популярных приключенческих романах Густава Эмара (Gustave Aimard, настоящее имя — Оливье Глу; 1818—1883). Ключом здесь является индейское прозвище одного из школьников в «Пере Золотого Орла» — «Курумилла, Черное золото». Именно так звали любимого персонажа нескольких поколений российских детей — отважного вождя из романа Эмара «Великий предводитель аукасов» («Le Grand chef des Aucas»; в оригинале — «Curumilla, or noir»), переведенного на русский язык С.И. Ярославцевым во второй половине XIX века (СПб.: М.О. Вольф,

22 В конце 1920-х годов детско-юношеская «индейская тема» (приключенческие романы и рассказы, восходящие к произведениям Фенимора Купера, Майн Рида, Райдера Хаггарда, Густава Эмара, Луи Буссенара и других авторов) была исключительно популярна. В февральский номер «Всемирного следопыта» за 1928 год была включена публикация «рассказа из жизни североамериканских краснокожих» «Честь племени» (Всемирный следопыт. 1928. № 2. С. 137—139).

1867). В этом романе и других произведениях французского писателя мы встречаем многие слова из «разговорника» хармсовского школьника, выписанные, как указывает повествователь, из одной индейской книжки, «чтобы употреблять их во время войны»: «Унем — большое; Инам — маленькое; Оах — здравствуйте; Аратики — вождь <...> ; Кульмегуинка — бледнолицый; Куру — черный» и так далее [Хармс 1942: 106]. Приведем лишь несколько примеров использования этих слов у Эмара (кстати сказать, любимого автора отца Хармса):

- ...первая жена, называемая **унемдомо**, или законной, пользуется большим почетом. Она заведует хозяйством и управляет другими, которые называются **инамдомо**, или младшими.
- **Оах!** — воскликнул Трантоиль Ланек, словно он до того не видел испанцев. — Бледнолицые! В самом деле, охота была славная! За этих пленников дадут большой выкуп.
- Главные предводители их **токи**, апоульмены и ульмены. Во всякой провинции есть свой **токи**.
- Марри-марри, мои братья-мурехи [презренные испанцы], а не **кулме-гуинка** [чужеземцы]. Зачем они так далеко от людей своего народа?²³

Таким образом, объясняется не только то, из какой именно книги взяли индейские слова герои Хармса, но и почему именно в Бразилию (Латинская Америка — место действия главных произведений Эмара) хотел убежать Колька. Наконец, эмаровское происхождение «зауми» в детских рассказах Хармса позволяет расшифровать и загадочное «стихотворение» в одной из записных книжек писателя, датированное осенью 1928 года и приводимое в собрании сочинений в такой редакции (М. Мейлах относит этот текст к редким образцам чистой зауми у Хармса [Мейлах 1991: 366]):

Унем кос Унем кос
Унем кос Пиль гедрай
ара токи ари токи
Кульмегуинка ай.

Смокапек на голове
и одетый в серанэ
моё кушанье тарпилла
верный стойкий курумилла.

Пионер. Москва Центр. Новая площадь 6. Пед.
Пионер. Из<д>. Мол. Гврд. [Хармс 2002: 243].

Эмаровский подтекст проясняет заумное слово «Смокапек» и заодно объясняет название упомянутого выше незаконченного рассказа Хармса. В «индейском» словаре школьника даны дефиниции составляющих его частей: «Мо — орел, Капек — перо». Перед нами не что иное, как имя еще одного ключевого

23 Эмар Г. Великий предводитель аукасов // az.lib.ru/e/emar_g/text_1-1858_le_grand_chef_des_aucas.shtml (дата обращения: 28.01.2021).

героя Эмара: *Моокапек — Орлиное перо* (Moukarес, La Plume-d'Aigle) — сашем корасов с Рио-Сан-Педро. Таким образом, открывается возможность «перевести» все это квазизаумное стихотворение (возможно, каким-то образом связанное с публикациями в журнале «Пионер») на русский, исправив очевидные неточности в транскрипции текста:

Великое племя, великое племя
 Великое племя [военный клич] вождей арауков
 Война
 С бледнолицыми.
 [Я -] с орлиным пером на голове и одетый в серапе²⁴,
 Мое кушанье тортил(л)²⁵,
Верный стойкий Курумилла.

Указание Хармса на издательство «Молодая гвардия» в дневниковой записи, вероятно, связывается с тем, что в 1928 году оно выпустило в серии «Библиотека приключений» «индейский» роман Г. Эмара «Текущая вода». Наконец, подчеркнутые два слова в последней строке этого стихотворения не только отсылают к образу любимого героя детей (в неоднократно публиковавшейся повести Григория Мачтета «Человек с планом» задумавшие побег гимназисты переживают за одного из своих предводителей: «Что мы будем делать *без верного, бесстрашного, на все готового для друзей “Курумиллы”*»? [Мачтет 1886: 138]), но и к связанному с ним и с романами Эмара мифологическому сюжету детских игр второй половины XIX — первой трети XX века — воображаемое бегство в экзотическую Америку (наиболее известный литературный пример этой игры представлен в рассказе А.П. Чехова «Мальчики» 1887 года). В целом стихотворение Хармса можно назвать еще одной «военной песней» советских «зау» (вообще интересна перекличка самоназвания «обэриуты» с «оджибуэями») или, перифразируя название известного стихотворения Козьмы Пруткова, декларативным «Желанием быть индейцем» — своеобразной иронической авангардистской версией детского эмаровского романтизма во все глубже погружающейся во внешнюю и внутреннюю изоляцию советской стране (заметим, что сам Хармс указывал, что в ранний период своей деятельности «стилизировал» себя под индейца [Кобринский 2009: 384]).

Что же касается обидевшего финских «бразильцев» воинственного клича индейцев «Пильгедрау», записанного в «разговорник» персонажем «Пера Золотого Орла» на уроке немецкого языка, то рискнем предположить, что это слово не индейского, а немецкого происхождения (что-нибудь вроде “feldgrau” — «мышинный» цвет мундира германской армии с довоенного времени). А еще вероятнее, что это слово — несколько переиначенное название перекиси водорода «пергидроль», употреблявшейся для осветления волос (вспомним белобрысых «туземцев» в рассказе о Кольке). Пергидролем назывался и популярный в начале века зубной порошок. Финским мальчишкам это слово могло показаться оскорбительным, потому что напоминало крепкое ругательство «perkele» (в рассказе они кричат в ответ Кольке «пэркеля!»). Наконец, в замечательной языковой игре Хармса сам Колька мог слышать в финском ругатель-

24 Традиционная вытканная узорами одежда латиноамериканских индейцев.

25 Традиционная маленькая лепешка, упоминающаяся Эмаром.

стве экзотическое имя героини одного из перуанских рассказов Эмара «Периколя» (тот же сюжет и в известной опере-буфф Ж. Оффенбаха «La Périchole»).

Ил. 4. Банка зубного порошка «Пергидроль». Аптека Э.Б. Гандина. 1900-е.

Вернемся после этого спонтанного экскурса в историю индейской темы в советской литературе к поэтике запомнившегося Гаспарову длинного имени индейца. Очевидно, что пародийное истолкование (семантизация) этого имени было традиционным приемом в творчестве наследовавших футуристам обэриутов. Так, в вышедших в том же, 1928 году «Письмах из Африки», обработанных Николаем Заболоцким, разъясняется сложное «заумное» африканское слово «сунхприятрисканкрфуным», получившее в интерпретации Заболоцкого значение «коровье масло». «Простодушная ирония, с которой автор рассказывает о странностях африканских языков, — замечает Игорь

Лоцилов, — соотносима с футуристической практикой заумного слова» [Лоцилов 2001: 174]. В свою очередь, Николай Олейников в «Еже» (1929. № 6) использовал прием пародийного квазиперевода на русский язык длинного экзотического имени: Макар Свирепый берет с собой на прогулку породистую собаку по имени *Ве-ме-ту-сикату-ли-хату*, что означает в переводе с африканского... «Жучка». Как на самом деле переводится это длинное имя, мы не знаем, но опыт подсказывает, что, скорее всего, и здесь не обошлось без игры с реальными, только не с африканскими, а ингерманландскими глоссами (так, возможно, заключительное «лихату» в этом имени указывает на финское «без мяса» (lihaton), а забавное для русского ребенка сочетание «сикату» восходит к финскому «sika», свинья).

Вытесненная к началу 1930-х годов, после погромной критики чинарей и арестов Терентьева, Туфанова и обэриутов, в резервацию детской литературы, заумь и там оказалась в положении «подозрительного элемента» (использовавшие ее авторы обвинялись в буржуазном формализме)²⁶. Так, рапповец М. Чумандрин нашел в словесных играх в рассказе о Кольке и Петьке дискредитацию социалистического строительства и пионерского движения. Игорь Бахтерев, как указывает Кобринский, вспоминал, что в 1932 году следовательно обвинял Хармса в том, что в «индейском» рассказе он призывал советских детей к эмиграции [Кобринский 2009: 163] (заметим, что мотив заговора и

26 Показателен пример харьковской актрисы и писательницы Марии Мораф, которая в идеологически выдержанной пьесе «Морской волк» (1935), посвященной спасению советскими моряками погибающего в пламени французского парохода, передает «заумный» разговор матроса-переводчика со спасенными. «Что должны обозначать эти отрывочные, сумбурные восклицания? — негодовал бдительный рецензент пьесы. — Какую цель преследует автор, вводя их? Что должны вынести из этого “заумного” словотворчества дети? Дешевое остроумие, неряшливое отношение к языку» (Детская литература. 1935. № 12. С. 23).

бегства действительно является постоянным в эмаровской традиции в русской литературе).

Здесь стоит напомнить и подчеркнуть, что запись Гаспарова о любви к заумным словам представляет собой ответ филолога на вопрос анкеты о том, были ли его научные интересы заслуном «от маразма советской (и, наверное, не только советской) действительности». Заумь (точнее, глоссалалия), таким образом, предстает как своеобразный антидот от советского догматизма, а указание на детскую литературу, где заумное слово выжило после разгрома 1928 года, является точным историко-литературным и социально-культурным диагнозом.

Наконец, биографическая и научно-комментаторская темы этой записи оказываются частью *общей филологической теории или даже филологического кредо* Гаспарова: наука о слове есть наука о понимании, герой «Записей» — человек, верящий в существование смысла, мучительно стремящийся к пониманию другого, но сознающий (отсюда идет характерная для автора филологическая ирония) невозможность осуществления этой задачи («Обязанность понимать», «Филология как нравственность»). Отсюда заумь (и связанный с нею вопрос о литературном переводе) для Гаспарова-ученого и человека не просто научная проблема, но едва ли не узловой экзистенциальный вопрос. В «Записях и выписках» он несколько раз обращается к этому центральному вопросу, пряча его серьезность под игровой маской и дразнящей манерой изложения.

Жил-был кварк

Приведу лишь три примера, свидетельствующих о круговом — и аллюзионном — движении размышлений Гаспарова о зауми, равно как и о конструктивном принципе его книги. Детская любовь к заумным словам, которую автор не утратил вопреки общему принципу (взрослые о ней, как правило, забывают), находит свое выражение в разных, часто совершенно неожиданных местах «Записей и выписок». Например, в таком:

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ по-папуасски будет попокуроа и кикихи

[Гаспаров 2012: 408].

На первый взгляд, это такая случайная и комичная тарарабумбия, но в контексте филологического биографизма Гаспарова это еще один симптоматический смысловой узел. Источником этой записи, по-видимому, является русский пересказ притчи «Попокоруа и кикихи» из известной книги «Сказки и легенды маори: Из собрания А. Рида»: «Попокоруа, муравей, вечно занятый поисками пропитания под корой деревьев или на земле, не мог понять, почему кикихи, цикада, ведет себя так легкомысленно, почему она только и делает, что греется на солнышке и нисколько не тревожится о будущем» (в английском тексте — “Poroکوгуа and Kihikihi”) [Рид 1960: 89—90]²⁷. Но в гаспаровском

27 В транскрипции «папакоруа». Упоминается В.Н. Топоровым в разделе «Индра-муравей. Сравнительный комментарий к одному мотиву древнеиндийской мифологии» в: [Топоров 2010: 140] (первые опубликовано в: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.: Наука, 1982).

интерпретационном пространстве эта история оказывается свидетельством о том, что есть мир, где эти экзотические и смешные (попо-, кики-) «заумные» слова вполне осмыслены (используя выражение друга и героя книги Гаспарова С.С. Аверинцева, высказанное по поводу «фоники иноязычных имен» в романтических переводах Жуковского, «дух захватывает от внезапного, пронзительного ощущения, что есть целая жизнь со всей полнотой своих связей, которой мы не знаем, но которая сама знает о себе — и этого достаточно») [Аверинцев 1988: 264]²⁸. «Папуасская» история также устанавливает связь между «дневниковой» записью и филологическими трудами Гаспарова, исследователя поэтического языка («Иноязычная фоника в русском стихе») и переводчика басен («Античная литературная басня»). Сам Гаспаров перевел соответствующую басню Эзопа на русский под названием «Муравей и жук»²⁹ со следующей моралью: «Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия» [Эзоп 1993: 96—97]³⁰.

Наконец (тут мы попадаем, конечно, в область догадок), эта запись о папуасских именах знакомых с самого раннего детства персонажей и житейской мудростью вовлекает в себя, как в воронку, биографию автора — воспоминание о когдатошнем чтении маорийских легенд, ассоциацию сюжета басни — с фонетически забавными именами героев — со своим опытом, переводческим и жизненным (*pro domo mea*): кто он сам — трудолюбивый и скучный попокура, «вечно занятый поисками пропитания под корой деревьев или на земле», или беззаботная кикихи, не тревожившаяся о будущем, восхвалявшая солнце песней и ставшая зимой «совсем тоненькой» («и в конце концов умерла»)? Мораль басни (жанра, отвечавшего, по теории Гаспарова, на практический вопрос, «как должен вести себя человек в этом мире») все та же, что и у древнего грека: люди при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия. Между тем в сжатом смысловом пространстве «Записей и выписок», кажется, работает обратный описанному Гаспаровым в истории жанра принцип: не пример становится басней (иносказанием), но басня намекает (самому автору) на конкретную жизненную ситуацию, «явление художественной речи» возвращается в индивидуальный биографический факт (какой именно, мы не знаем)³¹.

О постоянной авторской рефлексии над проблемой зауми в (его) жизни говорят и включенные в один из словариков книги дефиниции (точнее, ил-

-
- 28 Еще одна отсылка-мостик в «Записях», связывающая заумные слова в единую «музыкальную» тему, содержится в «дефиниции» слова «Цынцырны», употребленного А. Блоком в набросках к «Возмездию» по отношению к порхающей варшавской мазурке («Цынцырны — цынцырны — цынцырны — цыцы»). Это слово, замечает Гаспаров, восходит к звукоподражанию из стихотворения любимого Блоком Якова Полонского, который разъяснял его в примечании как «тагарское слово — то же, что и цикада» [Гаспаров 2000: 281]. Между тем в «Словаре диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой слово «цынцыр/цынтыр» интерпретируется как «цепь» [Тумашева 1992: 244].
- 29 Этот же сюжет есть и в сатирическом изложении А. Бирса («*Fantastic Fables*»), басни которого переводил Гаспаров (а мысли цитировал в «Записях и выписках»). Вообще весьма интересен вопрос о связи Гаспарова с американской сатирической (скептической) и юмористической литературной традицией.
- 30 В книге о жанре басни Гаспаров, обращаясь к федровскому переложению этого сюжета, подчеркивает антитетичность житейских аргументаций, представленных в этом мини-диспуте [Гаспаров 1971: 85].
- 31 Ср. культурно-типологический анализ эзоповского сюжета во французской, английской, американской, русской и японской культурах см.: [Жельвис 2006].

люстрации) этого понятия. В обеих интрига зауми для Гаспарова заключается в том, что бессмысленное, как кажется, слово оказывается наполненным значением, уводящим нас в неожиданные и интересные для исследователя интерпретационные дали.

ЗАУМЬ. Слово «кварк» физики взяли из «Финигана» Джойса как заумное, но это оказалось венское жаргонное словечко от славянского «творог» (от «творить», как *fromage* от *formare*) (от В. Вс. Ив.).

ЗАУМЬ. Из письма: «На стене рядом с домом осталась после избирательной кампании надпись “Жил-был мэр”. Она долго меня мучила. Потом я приписала внизу два слова, и получился стишок:

Жил-был мэр
Убещур. Скум».

[Гаспаров 2012: 136].

Второй пример, вовлекая в орбиту размышлений автора отрывочные «политические» (или исторические) воспоминания о давно отгремевших московских выборах, на которые, кажется, ссылается его неназванный корреспондент (кстати сказать, с тех пор выражение «жил-был мэр» стало мемом, используемым по отношению к самым разным градоначальникам нашей большой, как имя индейца Уго, страны), вновь отсылает нас к Крученых и проблеме научно-экспериментального творчества (кажется, для Гаспарова в манифестарно-экзотической фамилии «малоуважаемого» им поэта-заумника актуализируется часть *после* «кр»).

Первый пример включает в себя целый сюжет, понятный узкому кругу специалистов — собеседников автора («немногих», как сказал бы близкий по духу Гаспарову своевольный переводчик В.А. Жуковский). Сравните опубликованный в 1999 году в «Звезде» (то есть уже после публикации «записи» в «НЛО») рассказ Вяч. Вс. Иванова о встрече с Романом Якобсоном в 1979 году:

Якобсон пересказывал мне свои новые работы, которые он успел уже доложить, но не напечатать. На заседании физического общества он рассказал об этимологии термина кварк. Открывший кварки Гел Манн взял название как заумное из «*Finnegans Wake*» («Поминальное бдение финнеганцев») Джойса. А Джойс его заимствовал из венского немецкого диалекта. Туда оно попало из славянского. Это — название, родственное русскому «творог». С корнем русского творить оно связано так же, как французское *frommage* (сыр) с *former* (образовать) и латинским *formare* (сотворить). Оказалось, таким образом, что эти мельчайшие кирпичики мироздания названы совсем не бессмысленно [Иванов 1991: 161]³².

Доклад Якобсона, похоже, так никогда и не был опубликован. Первое печатное упоминание о нем мы находим в статье Иванова «*Roman Jakobson: The Future*», вышедшей в сборнике «*A Tribute to Roman Jakobson, 1896—1982*» (Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1983) и представляющей собой перевод лекции, прочитанной Ивановым в Институте славяноведения и балканистики РАН СССР 17 сентября 1982 года (весьма возможно, что именно на этой лекции —

32 См. тот же текст в: *Jakobson R. Texts, documents, studies* / Ed. by H. Baran, S.I. Grindin et al. Moscow: RGGU, 1999. P. 249.

или в каком-то частном разговоре, с нею связанном, — Гаспаров и услышал об этой теории Якобсона). Приведем сообщение и рассуждения Вячеслава Всеволодовича, впоследствии вошедшие в его воспоминания, полностью:

Якобсон, будучи первооткрывателем отличительных признаков, которые он назвал элементарными квантами языка и которые обсуждал с Нильсом Бором на семинаре в Массачусетском технологическом институте, прекрасно знал об этом. Менее известен и до сих пор не предан печати тот факт — я знаю о нем непосредственно из уст Якобсона, — что он очень интересовался последующим развитием тех же идей в физике, включая современную теорию кварков. Так, на собрании Американского физического общества он выступил с докладом об этимологии слова «кварк», появляющегося в романе Джойса «Поминки по Финнегану». Из этого романа создатели теории кварка подхватили это слово как обозначение чего-то сверхразумного, бессмысленного и, следовательно, подходящего для обозначения тех элементарных частиц, которые в некотором роде не существуют и в то же самое время являются основой всего сущего. Якобсон показал в своей работе, что Джойс заимствовал слово «кварк» из венского немецкого *Quark*. Это слово, означающее «творог», связано с русским *tváróg* и словацким *tváróg*. Его этимология совершенно та же, что и у французского слова «fromage», связанного с хорошо известным словом «форма», точно так же, как *tváróg* связан с корнем «творение», «создание». Таким образом, термин, обозначающий самые основные элементы, определяющие форму вселенной, восходит к слову, этимологически означающему «форма, сущность, творение». Так, физики, полагавшие, что Джойс употребил совершенно бессмысленное слово, ошиблись. Настоящий случай представляет собой любопытный аргумент, подтверждающий предположение о том, что двадцатый век не может спрятаться в абсурд (*nonsense*). В то самое мгновение, когда кажется, что он вступает в царство бессмыслицы, он возвращается к своему истоку, то есть к самой сущности вещей. В этом заключается суть недавней работы Якобсона [Ivanov 1983: 52—53 (перев. наш. — И.В.)].

Следует заметить, что приписываемая Ивановым Якобсону этимологическая гипотеза, сформулированная им якобы перед смертью, высказывалась в научных журналах (как западных, так и советских) с середины 1960-х годов (если не раньше!)³³. В некоторых работах указывалось, кстати сказать, что, помимо значения «творог», немецкое слово «*quark*» употребляется и для обозначения бессмыслицы, чепухи³⁴. Но дело здесь, конечно, не в том, кто первым высказал приведенную Ивановым «гипотезу Якобсона», а в том смысле, который придал

33 [Lipkin 1967: 451]. См. также статью С.В. Владимирова «Терминология научной фантастики»: «Наряду с устоявшимися понятиями и терминами писатели часто используют новые, придуманные ими; ведь каждый фантаст стремится стать “изобретателем” или “первооткрывателем” так же, как и в науке: новые термины образуются от латинских и греческих корней или даются произвольно по праву первооткрывателя. Совсем недавно термином “кварк” была обозначена, например, гипотетическая частица, обладающая поразительными свойствами (очень большой массой, дробным зарядом и др.). По-немецки кварк значит творог, но название частицы никак не связано с этим продуктом. Оказывается, что канадский физик Гелл-Манн, “придумавший” кварки, заимствовал это слово из романа Дж. Джойса “Поминки по Финнегану”, в котором чайки, пригрезившиеся горою, выкрикивают, как заклинание “кварк, кварк, кварк!”» (Русская речь. 1968. №4. С. 39). Подробнее о происхождении термина «кварк» см. брошюру: [Владимиров, Карев 1965].

34 См.: [Gerlach 1982: 30].

ей Вячеслав Всеволодович и который «подхватил», предельно сжав в своей записи, Гаспаров. Главным в этой физико-этимологической теории, как мне представляется, является не столько установление внешней связи псевдозаумного слова Джойса с немецким (австрийским) сыром или творогом и их славянскими этимологическими корнями, сколько указание на его глубинную связь с понятиями «творчество» (или «сотворчество»), «форма», «сущность» и «создание». Более того, суть открытия (завещания) Якобсона структуралист Иванов видит в том, что казавшийся заумным термин, выбранный физиками из модернистского литературного произведения для обозначения гипотетических элементарных частиц, лежащих в основе вселенной, не только восходит к понятию формы и творчества, но и доказывает, что в мире нет ничего бессмысленного (безумного), что, в свою очередь, является «интересным аргументом» в пользу исторической «пропозиции», что XX веку никак не удастся «бежать в абсурд» («escape into nonsense»): «В то самое мгновение, когда кажется, что он вступает в царство бессмыслицы, он возвращается к своему истоку, то есть к самой сущности вещей». Не будет преувеличением сказать, что в своей сциентистской проповеди, приписываемой Якобсону, Иванов как бы намекает на то, что великий лингвист незадолго до смерти нашел, точнее, доказал существование Бога (или Высшего Разума), причем, в прямом смысле слова в сыре, как лисица из басни (после того, как неразумная ворона *кваркнула* во все воронье горло и к собственному разочарованию подтвердила ньютоновский закон мироздания).

Мы не знаем, была ли это действительно мысль Якобсона или Иванов ее доработал по своему образу и подобию, но очевидно, что в приведенной выше сжатой записи Гаспарова о зауми суммируются (и, возможно, иронически остраиваются³⁵) центральные для него (и его круга) идеи: проблема зауми с помощью «иконического» слова «кварк» вписывается в общий план мироздания («мельчайшие кирпичики мироздания названы совсем не бессмысленно»), мировой литературы (Джойс) и связывающей физику и литературу филологии как науки понимания³⁶. Абсолютно прав был Р.Д. Тименчик, заметивший, что книга Михаила Леоновича «неоспоримо является памятником литературы конца XX века» и мыслям, стремлениям и ожиданиям того круга, в котором он жил, формировался и от которого отталкивался.

Именно универсальное значение проблемы зауми исследуется Гаспаровым-ученым в одной из его лучших и самых известных статей «Считалка богов. О пьесе В. Хлебникова “Боги”» (в этой работе, впервые прозвучавшей в форме доклада и напечатанной в 1995 году, заумные реплики слетевшихся на свой «интернационал» богов интерпретируются исследователем как звенья «исполинской считалки» в двусложных хорях, разыгрывающей актуальную для Нового мира тему гибели богов, — похожую считалку мы, как сказано выше, «экспериментальным путем» обнаружили в имени коннелловского индейца). В теоретической преамбуле к этой статье Гаспаров утверждает:

35 Отношение Гаспарова к всеохватным научным теориям Иванова, его увлечению парапсихологией в 1980—1990-е годы и сновидческим откровениям в мемуарах было ироническим. Выскажем осторожное предположение, что включение в текст «Записей и выписок» описаний странных и «случайных» снов (своих и сына) представляет собой пародию на «сновидчески-профетическую» мемуаристику знаменитого коллеги.

36 В 1987 году М.Л. Гаспаров и Вяч. Вс. Иванов подготовили том сочинений Якобсона «Работы по поэтике» [Якобсон 1987], в который вошла и упоминавшаяся нами ранее статья о «заумном Тургенева» [Якобсон 1987: 250—253].

Неверно представлять себе заумь чистой фонетической игрой-насаждением звуков в отрыве от смысла. (Неверно, несмотря на то, что сами футуристы в декларациях часто утверждали именно это.) Так бывает, но редко, и на это всякий раз дается особое указание — в заглавии или контексте. Обычно же, когда заумь появляется в сопровождении осмысленного текста, она включается в его систему как элемент, требующий такого же осмысления. Читатель зауми не отключает внимания от смысла — наоборот, он напрягает его до предела. Когда мы читаем текст на малознакомом иностранном языке, то, встречая непонятное слово, мы не пытаемся подозревать, что оно смысла не имеет и по существу заумно: мы предполагаем, что просто смысл его нам неизвестен, и стараемся угадать его из контекста. То же происходит и здесь: Хлебников предлагает нам текст на незнакомом языке, языке богов (III, 387), и требует от нас соответствующих усилий. При этом из разбивки строк и разметки ударений видно, что этот текст — стихотворный: не только «язык», но и «стих богов» [Гаспаров 1997: 202].

Эти слова вполне можно отнести и к научному кредо и филологической биографии (термин А.Л. Зорина) самого Гаспарова³⁷, ставшего (в известной степени) голосом определенной интеллектуальной традиции³⁸. Сочувствующий читатель его «Записей и выписок» (в том числе и той, которой посвящена наша интерпретация) «не отключает внимания от [странного, случайного, забавного, заумного. — *И.В.*] смысла — наоборот, он напрягает его до предела». И это предельное напряжение мысли интеллигентного читателя, жизнь которого так же состоит из книг, которые он прочел (а иногда и написал), и слов, которые он сказал или услышал от других, влечет его к нереализуемой в принципе, но ясной и благородной воображаемой цели, заключающейся не в научно-проphetическом проникновении в глубинные тайны войны и мира, трудов и дней, преступления и наказания, творага и творения, красного и черного, но в отзывчивом понимании «неведомой души» все удаляющегося от нас во времени автора.

Человек человеку заумь —

Уго-бичи-буго-чиби-пау-пау-кипи-свиски-виви-чинбул.

И убещур.

Автор выражает глубокую признательность А.К. Жолковскому, Марку Альтшуллеру, Борису Орехову, Томи Хуттонену, Игорю Лоцилову, Александру Павловскому, Майклу Вахтелю, Виктору Щебню и О.А. Лекманову за ценные консультации.

37 Ср. характерное признание М.Л. Гаспарова в письме к М.-Л. Ботт, включающее его скептическую оценку жесткого структурализма: «Мне всегда казалось, что наука — в том числе литературоведение — существует только для того, чтобы выявить порядок в хаосе окружающего нас мира (и мира литературы в том числе); но ни французы, ни Якобсон, по-моему, этого не достигают» [Ботт 2006].

38 Близкие по смыслу, но не выходящие за пределы научного анализа суждения о контекстуальной семантизации зауми высказывались в работах Якобсона, Вл. Маркова, Вяч. Иванова, Н.А. Богомолова, Г.А. Левинтона, И.Е. Лоцилова, Т.Л. Никольской, В.П. Григорьева, А.А. Кобринского, Г. Мак Вея, Х. Барана, Дж. Янчека и других ученых. Как точно выразил это стремление Г.А. Левинтон в «Заметках о зауми», задача интерпретатора «в значительной степени заключается в том, чтобы многие примеры зауми explain away, т. е. объяснить так, чтобы зауми (то есть иллюзии зауми) не стало» [Левинтон 2017: 42]. См. в этой книге едва ли не самую полную и отборную библиографию работ о русской зауми.

Библиография / References

- [Аверинцев 1988] — *Аверинцев С.С.* Размышления над переводами Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М.: Наука, 1988.
- (*Averintsev S.S.* Razmyshleniia nad perevodami Zhukovskogo // Zhukovskii i literatura kontsa XVIII—XIX veka. Moscow, 1988.)
- [Альтшуллер 2003] — *Альтшуллер М.Г.* Проблема демократии («Джон Теннер») // Альтшуллер М.Г. Между двух царей. Пушкин 1824—1836. СПб.: Академический проект, 2003. С. 84—100.
- (*Al'tshuller M.G.* Problema demokratii («Dzhon Tenner») // Al'tshuller M.G. Mezhdv dvukh tsarei. Pushkin 1824—1836. Saint Petersburg, 2003. P. 84—100.)
- [Алексеев 1969] — *Алексеев М.П.* К статье Пушкина «Джон Теннер» // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969. С. 50—56.
- (*Alekseev M.P.* K stat'e Pushkina «Dzhon Tenner» // Vremennik Pushkinskoi komissii, 1966. Leningrad, 1969. P. 50—56.)
- [Архангельский] — *Архангельский А.Н.* Уголок атеиста // <http://novosti.online.ru/magazine/arss/ezheg/arhan.htm> (дата обращения: 28.01.2021).
- (*Arkhangel'skiy A.N.* Ugolok ateista // <http://novosti.online.ru/magazine/arss/ezheg/arhan.htm> (accessed: 28.01.2021).)
- [Беюл 1928] — *Беюл [М.И.]* Письма из Африки. М.; Л.: ГИЗ, 1928.
- (*Beiul [M.I.]*. Pis'ma iz Afriki. Moscow, Leningrad, 1928.)
- [Бик 1922] — *Бик Э.П.* [Сергей Бобров]. Литературные края // Красная новь. 1922. № 2 (6).
- (*Bik E.P.* [Sergei Bobrov]. Literaturnye kraia // Krasnaia nov'. 1922. № 2 (6).)
- [Ботт 2006] — *Ботт М.-Л.* «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М.Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981—2004 гг. // Новое литературное обозрение. 2006. № 1.
- (*Bott M.-L.* «Chitat' menia podriad nikomu ne interesno...»: Pis'ma M.L. Gasparova k Marii-Luize Bott, 1981—2004 gg. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 1.)
- [Брюсов 1923] — *Брюсов В.* Среди стихов // Печать и революция. 1923. № 1.
- (*Briusov V.* Sredi stikhov // Pechat' i revoliutsiia. 1923. № 1.)
- [Брюсов 1927] — *Брюсов В.Я.* Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М.: Изд. Сабашниковых, 1927.
- (*Briusov V.Ya.* Iz moei zhizni. Moia iunost'. Pamiati. Moscow, 1927)
- [Брюсов 1975] — *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений. Т. 2. М.: Художественная литература, 1975.
- (*Briusov V.Ia.* Sobranie sochinenii. Vol. 2. Moscow, 1975.)
- [Булкина 2000] — *Булкина И.* Чтоб эпиграфы разбирать // <http://old.russ.ru/krug/kniga/20000229.html> (дата обращения: 28.01.2021).
- (*Bulkina I.* Chtob epigrafy razbirat' // <http://old.russ.ru/krug/kniga/20000229.html> (accessed: 28.01.2021).)
- [Виницкий 2009] — *Виницкий И.* Крупешки заумной поэзии // Russian Literature. 2009. Vol. LXV. С. 261—279.
- (*Vinitskii I.* Krupushki zaumnoi poezii // Russian Literature. 2009. Vol. LXV. P. 261—279.)
- [Владимиров, Карев 1965] — *Владимиров С., Карев М.* Кварки и элементарные частицы. М.: Знание, 1965.
- (*Vladimirov S., Karev M.* Kvarki i elementarnye chashtitsy. Moscow, 1965.)
- [Гаспаров 1971] — *Гаспаров М.Л.* Античная литературная басня: (Федр и Барбий). М.: Наука, 1971.
- (*Gasparov M.L.* Antichnaia literaturnaia basnia: (Fedr i Barbii). Moscow, 1971.)
- [Гаспаров 1991] — *Гаспаров М.Л.* «Я мало знаю современную непечатающуюся поэзию...» (вступительная заметка) // Звезда. 1991. № 5.
- (*Gasparov M.L.* «Ia malo znaiu sovremennuiu neprechataiushchuiusia poeziiu...» (vstupitel'naia zametka) // Zvezda. 1991. № 5.)
- [Гаспаров 1995] — *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки // Новое литературное обозрение. 1995. № 16.
- (*Gasparov M.L.* Zapisi i vypiski // Novoye literaturnoye obozreniye. 1995. № 16.)
- [Гаспаров 1997] — *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. 2: О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997.
- (*Gasparov M.L.* Izbrannyye Trudy. Vol. 2: O stikhakh. Moscow, 1997.)
- [Гаспаров 2000] — *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- (*Gasparov M.L.* Zapisi i vypiski. Moscow, 2000.)
- [Гаспаров 2012] — *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- (*Gasparov M.L.* Zapisi i vypiski. 3rd edition. Moscow, 2012.)

- [Долинин 2007] — Долинин А.А. Пушкин и Англия. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- (Dolinin A.A. Pushkin i Angliia. Moscow, 2007.)
- [Жельвис 2006] — Жельвис В.И. «Стрекоза и Муравей» как предмет культурологического анализа // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 78—94.
- (Zhel'vis V.I. «Strekoza i Muravei» kak predmet kul'turologicheskogo analiza // Voprosy psikholingvistikii. 2006. № 3. P. 78—94.)
- [Живов 2006] — Живов В. Совершенный словоиспытатель. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.
- (Zhivov V. Sovershennyy slovoispytatel'. Pamyati Mikhaila Leonovicha Gasparova // Novoye literaturnoye obozreniye. 2006. № 77.)
- [Жолковский 2006] — Жолковский А. Совершенство Гаспаров // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.
- (Zholkovskiy A. Sovershitel' Gasparov // Novoye literaturnoye obozreniye. 2006. № 77.)
- [Иванов 1999] — Иванов Вяч. Вс. О Романае Якобсоне (главы из воспоминаний) // Звезда. 1999. № 7. С. 161.
- (Ivanov Vyach. Vs. O Romane Iakobsone (glavy iz vospominanii) // Zvezda. 1999. № 7. P. 161.)
- [Зорин 2019] — Зорин А. Михаил Гаспаров. «Записки и выписки» // Зорин А. Книжная полка Андрея Зорина (https://arzamas.academy/mag/760-polka_zorina (дата обращения: 28.01.2021)).
- (Zorin A. Mikhail Gasparov. «Zapiski i vypiski» // Zorin A. Knizhnaya polka Andreya Zorina (https://arzamas.academy/mag/760-polka_zorina (accessed: 28.01.2021)).)
- [Зорин 2000] — Зорин А. От А до Я и обратно (о «Записях и выписках» Михаила Гаспарова) // Неприкосновенный запас. 2000. № 3.
- (Zorin A. Ot A do Ya i obratno (o «Zapisyakh i vypiskakh» Mikhaila Gasparova) // Neprikosnovennyy zapas. 2000. № 3.)
- [Кобринский 2009] — Кобринский А. Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2009.
- (Kobrin'skii Aleksandr. Daniil Kharms. Moscow, 2009.)
- [Коннель 1928] — Коннель Р. Последний из Плосконогих. Юмористический рассказ // Всемирный следопыт. №11. 1928. С. 858—867
- (Konnel' R. Poslednii iz Ploskunogikh. Iumoristicheskii rasskaz // Vsemirnyy sledopyt. №11. 1928. S. 858—167.)
- [Крученых 1922] — Крученых А.Е. Сдвигология русского стиха. М.: МАФ, 1922.
- (Kruchenykh A.E. Sdvigologiya russkogo stikha. Moscow, 1922.)
- [Крученых 2001] — Крученых А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб.: Академический проект, 2001.
- (Kruchenykh A. Stikhotvoreniia. Poemy. Romany. Opera. Saint Petersburg, 2001.)
- [Крученых 2004] — Крученых А.Е. Язвы Аполлона // Александр Блок: pro et contra: Личность и творчество А. Блока в критике и мемуарах современников. СПб.: РХГИ, 2004.
- (Kruchenykh A.E. Iazvy Apollona // Aleksandr Blok: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo A. Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov. Saint Petersburg, 2004.)
- [Левинтон 2017] — Левинтон Г.А. Статьи о поэзии русского авангарда. Helsinki: University of Helsinki, 2017.
- (Levinton G.A. Stat'i o poezii russkogo avangarda. Helsinki, 2017.)
- [Литературная жизнь 2005] — Литературная жизнь России 1920-х годов: Москва и Петроград 1917—1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- (Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Moskva i Petrograd 1917—1920 gg. / Ed. by A.Iu. Galushkin. Moscow, 2005.)
- [Лоцилов 2001] — Лоцилов И.Е. Заболоцкий и Африка // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2001. Vol. 17. № 2.
- (Loshchilov I.E. Zabolotskii i Afrika // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2001. Vol. 17. № 2.)
- [Мачтет 1886] — Мачтет Г. Человек с планом // Русская мысль. 1886. Т. 7. Кн. 11.
- (Machtet G. Chelovek s planom // Russkaia mysl'. 1886. Vol. 7. Book. 11.)
- [Мейлах 1991] — Мейлах, М. «Обэриуты и заумь» // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Bern, 1991.
- (Meilakh M. Oberiuty i zaum' // Zaumnyi futurizm i dadaizm v russkoi kul'ture. Bern, 1991.)
- [Николюкин 1984] — Николюкин А.Н. Пушкинский «Джон Теннер» в системе русской американистики XVIII — начала XIX века // Болдинские чтения [сб. докл. 1983 г.]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984.
- (Nikoliukin A.N. Pushkinskii «Dzhon Tenner» v sisteme russkoi amerikanistikii XVIII — nachala XIX veka // Boldinskii chteniia [sb. dokl. 1983 g.]. Gor'kii, 1984.)
- [Немзер] — Немзер А. Герой нашего времени // <http://old.guelman.ru/slava/zapis/nemzer.htm> (дата обращения: 28.01.2001).
- (Nemzer A. Geroi nashego vremeni // <http://old.guelman.ru/slava/zapis/nemzer.htm> (accessed: 28.01.2001).)

- [Несмелов 1927] — Несмелов Б. Предисловие // Крученых А. Четыре фонетических романа. М.: Изд. авт., 1927.
(*Nesmelov B. Predislovie // Kruchenikh A. Chetyre foneticheskikh romana. Moscow, 1927.*)
- [Пушкин 1949] — Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 12. Критика. Автобиография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
(*Pushkin A.S. Poln. sobr. soch. Moscow; Leningrad, 1949.*)
- [Словарь 1925] — Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского и др. М.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
(*Slovar' literaturnykh terminov: In 2 vols. / Ed. by N. Brodsky et al. Moscow, 1925.*)
- [Рид 1960] — Рид А.В. Мифы и легенды страны маори. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
(*Rid A.V. Mify i legendy strany maori. Moscow, 1960.*)
- [Терентьев 1988] — Терентьев И. Крученых-грандиозарь (1919) // Терентьев И. Собрание сочинений. Bologna: S. Francesco, 1988.
(*Terent'yev I. Kruchenikh-grandiozar' (1919) // Terent'yev I. Sbranie sochinenii. Bologna, 1988.*)
- [Тименчик 2017] — Тименчик Р.Д. Выписки к записям // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него / Сост. М. Тарлинская. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
(*Timenchik R.D. Vypiski k zapisiam // M.L. Gasparov. O nem. Dlia nego / Ed. by M. Tarlinskaya. Moscow, 2017.*)
- [Топоров 2010] — Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2010.
(*Toropov V.N. Issledovaniia po etimologii i semantike. Vol. 3. Moscow, 2010.*)
- [Тумашева 1992] — Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского университета, 1992.
(*Tumasheva D.G. Slovar' dialektov sibirskikh tatar. Kazan', 1992.*)
- [Хармс 2000] — Хармс Д. Собрание сочинений: Тигр на улице. М.: Азбука, 2000.
(*Kharms D. Sbranie sochinenii: Tigr na ulitse. Moscow, 2000.*)
- [Хармс 2002] — Хармс Д. Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. СПб.: Академический проект, 2002.
(*Kharms D. Polnoe sbranie sochinenii. Zapisnye knizhki. Dnevnik. Vol. 1. Saint Petersburg, 2002.*)
- [Циглер 1982] — Циглер Р. Поэтика А.Е. Крученых поры 41°. Уровень звука // L'Avanguardia a Tiflis. Venezia: Università degli Studi di Venezia, 1982. P. 231—258.
(*Tsigler R. Poetika A.E. Kruchenikh poru 41°. Uroven' zvuka // L'Avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982. P. 231—258.*)
- [Эзоп 1993] — Эзоп. Басни / Пер., ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993.
(*Ezop. Basni / Perevod, st. i comment. M.L. Gasparova. Moscow, 1993.*)
- [Якобсон 1987] — Якобсон Р. Заумный Тургенев // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
(*Jakobson R. Zaumnyy Turgenev // Jakobson R. Raboty po poetike. Moscow, 1987.*)
- [Connell 1924] — Connell R. The Last of the Flatfeet // Apes and Angels. New York: Minton, Balch & Company, 1924.
- [Gerlach 1982] — The Human Brain and Its Universe / Ed. by J. Gerlach. Vol. 1. The World of Natural Sciences and Its Phenomenology. Basel: Karger, 1982.
- [Ivanov 1983] — Ivanov Viaceslav V. Roman Jakobson: The Future // A Tribute to Roman Jakobson 1896—1982. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1983. P. 47—57.
- [Lipkin 1967] — Lipkin H.I. Nuclear Physics Concepts Related to Elementary Particle Physics // International Nuclear Physics Conference, held at Gatlinburg, Tennessee. September 12—17, 1966. New York: Academic Press, 1967.
- [Shaw 1966] — Shaw J. Th. Puškin on America: His "John Tanner" // Orbis Scriptus. Dm. Tschizevskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. P. 739—756.